

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

ЗА РУБЕЖОМ

Три вечера в Атенеуме

Мое первое знакомство с театром Атенеум состоялось... из окна поезда. Проезжая Варшаву, я увидел, как промелькнули красные неоновые буквы, успел прочесть название и, честно говоря, решил, что этот театр находится где-то на окраине. Позже оказалось, что Атенеум расположен неподалеку от центра города.

Тогда я ехал в Берлин, смотреть «Гараж» в театре «Фольксбюне». Именно там пьеса «Гараж» (а она написана давно — в 77-м году) впервые обрела сценическую жизнь.

На спектакле в «Фольксбюне» я встретил польских режиссеров, которые задали мне разумный вопрос, на который я не мог дать разумного ответа: «Почему в ГДР можно ставить «Гараж», а в Польше нельзя, хотя мы добиваемся этого вот уже пять лет?».

После того как «Гараж» пошел в ГДР не только в Берлине, но и в других городах и никакого урона от этого престиж нашей страны не потерял, наконец-то и полякам соответствующие организации дали соответствующее разрешение, и я (увы, без Рязанова, который был занят на съемках) поехал в Варшаву, в театр Атенеум.

Польским зрителям попасть в Атенеум весьма

просто. Чтобы, к примеру, увидеть спектакль «Хемар», очередь надо занять в час ночи. Ничего страшного, касса в десять часов утра уже открывается. На другие спектакли можно занять очередь в шесть утра или, бывает, даже в восемь. Каждый вечер на трех сценах Атенеума (на 400 мест, на 120 и на 130 мест) идут три спектакля, хотя актерская труппа сравнительно невелика — 38 человек. И каждый вечер всегда проданы все билеты! И театр заполнен зрителями, в большинстве одетыми торжественно (как у нас в прежние времена) или одетыми, как придется (в основном молодежь). И это тоже примечательно — театр заполняется людьми самых разных возрастов.

А на спектакле «Хемар» творится нечто невообразимое. В маленьком зале на узких стульях, буквально прижавшись к соседям, сидят счастливые зрители, не отрываясь смотря на сцену, боясь пропустить хоть слово, беззвучно, одними губами подпевают артистам и вдруг взрываются хохотом так, что только хорошая звукоизоляция позволяет играть в это же время спектакль в других залах.

Хемар — это фамилия. Мариан Хемар. Польский композитор и поэт, который с начала двадцатых годов и до

самой войны был законодателем мод польской эстрады. Ему принадлежит подавляющее большинство польских шлягеров, многие известны всему миру. Во время войны Хемар ушел в подполье, писал антифашистские стихи (их с болью и гневом читает в спектакле Александра Шлёнска) и сочинял антифашистские песни, которые немедленно распространялись по всей стране. ...Так вот, представление «Хемар» — это как бы театрализованная биография, которую рассказывает ведущий. Сам Хемар в спектакле не появляется. Ведущий — он же режиссер и автор спектакля, он же известный поэт, бард и актер Войцек Млынарский. Его выход на сцену в самом начале вызывает в зале нечто похожее на манифестацию. Через биографию Хемара проходит в спектакле история польской эстрады, а через нее и просто история польской жизни за много-много лет. Сила таланта — в необъяснимости. Не знаю, как это удалось, актеры не меняют грима, практически не меняются декорации, лишь актрисы иногда переоделяются. Но вместе со всем зрительным залом я прожил в Польше с начала двадцатых годов и до конца войны. Очарование спектакля не в том, а вернее, не только в том, что актеры («соловьи» Атенеума) пре-

красно поют и не менее прекрасно двигаются, и не в том, что женщины на сцене, как и положено полячкам, отчаянно красивы, а Войцек Млынарский поразительно обаятелен и остроумен. Силой таланта всего ансамбля зрители оказываются не просто причастными к тому, что им показывают, а сердцем, душой, всем своим существом как бы сами находятся среди исполнителей...

Затем мне довелось увидеть «Проклятое танго», мюзикл аргентинского автора Мануэля Пуига, поставленный совсем молодой Леной Шурмей. Мюзикл, как и положено, с напряженным трагическим сюжетом. Этот спектакль напомнил мне фильмы Боба Фосса — «Кабаре» и особенно «Весь этот джаз» — в первую очередь уровнем танцевального мастерства. Можно было подумать, что Ежи Крышак или Артур Барчиш и многие другие — вовсе не актеры драматического театра, а «звезды» балета. Однако не следует понимать, что в спектакле эффектно танцуют, и не более того. Нет, его сила в единении психологической драмы и современного танца. И вот что еще. Высокий профессионализм и безупречный вкус. Пожалуй, без этих определений нельзя говорить об Атенеуме. И здесь самое время назвать выдающегося

польского режиссера Януша Варминьского, который вот уже 34 года возглавляет театр.

Чтобы столько лет вести знаменитый театр, который все годы пользуется в Варшаве стойким успехом (а это очень и очень непросто!), требуются не только талант, но и твердый характер, и четкое знание того, что именно хочет главный режиссер, режиссер-лидер, и точное ощущение сегодняшнего дня.

К сожалению, мне не удалось поглядеть «Вишневый сад». Говорят, что это одна из лучших работ Варминьского. Прежде он ставил и «Чайку», в Атенеуме шел и «Дядя Ваня». Варминьский уверен, что без Чехова театр не может существовать.

В «Гараже» главным для Варминьского была тема нравственного предательства, то есть потери человечности. Поэтому, к примеру, одним из главных персонажей стал Жених (артист Артур Барчиш). Для Варминьского Жених, который вместо свадьбы спешит на собрание гаражного кооператива, как человек хуже, чем директор рынка. Или Тромбонист (артист Эмилиан Каминьский) — он знает, что его оркестру предстоит важнейшая запись на радио, но тоже мчится бороться за свой гараж.

Судьбы человеческие — вот что ищет Варминьский в «Гараже». И поэтому Мари Цунелис в роли Малаевой, той маленькой женщины, что заставляет пайщиков переменить весь ход событий, вовсе не обладает внутренней силой или какой-то особой энергией. Нет, напротив, она наивна, где-то даже незащищенна. Просто она не принимает и не хочет принимать тот мир, где «вовремя предать» — это не предать, а предвидеть! И в той же драматически точной интонации играет жену Гуськова известная актриса кино и театра Эльжбета Старостецкая. Вместе с тем спектакль у Варминьского смешной, хотя поставил Варминьский не сатирический спектакль, а правдивый. Для любого автора встреча с таким режиссером — событие.

Конечно, в репертуаре Атенеума есть и современные польские пьесы: «Люди Цезаря» Зигмунда Хюбнера, «Лето» Тадеуша Ритнера, «Трансатлантик» Витольда Гомбровича, но посмотреть их не пришлось — было только три вечера.

Три вечера в варшавском Атенеуме — это очень мало, но это и очень много.

Эмиль БРАГИНСКИЙ.

ВАРШАВА — МОСКВА.